

ПЕРЕПИСКА ИММАНУИЛА КАНТА И ИОГАННА ГЕОРГА ГАМАНА¹

Письма Гамана канту об учебнике по физике

Письмо первое

1759

— Ah! miser
Quanta laboras in Charybdi
Digne puer meliore flamma!
*Horat*²

Покровители Ваших заслуг с сочувствием пожали бы с плечами, если бы узнали, что Вы забеременели идеей физики для детей. Эта идея показала бы слишком многим настолько детской, что они, пожалуй, посмеялись бы над Вашим незнанием своих собственных сил, а может быть, даже возмутились. Потому как я не слышал, чтобы Вы были любителем почитать что-нибудь кроме учебников, ну, например, сатиры, я не думаю, что среди детей Вы найдете подходящее общество для Вашего учения о природе.

Но я так полагаю, глубокоуважаемый г-н магистр, что Вы говорили со мной на полном серьезе, и это ввело меня в путаные размышления, которые я не в состоянии вот так сразу распутать. Я надеюсь, что все написанное в этом письме моей рукой, Вы сохраните и рассмотрите с тем же вниманием, с каким, как Вы на днях заметили в разговоре со мной, разумным людям следует относиться к играм детей. Если нет ничего столь бессмысленного, что могло бы не научить чему-то философа, то философу ничто не должно показаться столь бессмысленным, чтобы он не подверг это проверке и исследованию, прежде чем решиться это выбросить. Чувство тошноты является признаком испорченного желудка или избалованного воображения.

Вы, г-н магистр, хотите совершить чудо. Из ничего должно появиться доброе, полезное и прекрасное творение, возникнуть из-под Вашего пера. Если бы оно уже появилось или если бы знали, что оно уже существует, то Вы бы вряд ли взялись за него. «Титул, или название, книги по физике для детей уже есть, говорите Вы, самой книги пока нет».

У Вас есть веские причины полагать, что Вам удастся то, что не посчастливилось сделать многим другим. Иначе Вам не хватило бы духа выбрать

¹ Продолжение, начало переписки см.: в Кантовском сборнике. 2009. 1(29). С. 92—109. Данная публикация содержит письма Гамана, адресованные Канту. Подробнее см. в комментариях переводчика в конце публикации. — *Прим. ред.*

² Пер. с лат.:

О злополучный мой,

В какой мятешься ты Харибде,

Юноша, лучшей любви достойный!

Из Оды 27 «К пирующим» книги первой од Горация в переводе Г. Церетели. См.: *Вергилий. Гораций*. М., 2005. С. 462—463. (Здесь и далее примечания переводчика. — *Прим. ред.*)

путь, от которого судьба отпугнула Ваших предшественников. Вы по истине учитель в Израиле, если, несмотря на всю Вашу ученость, считаете для себя пустяшным дело стать как дети! Или Вы просто доверяете детям больше, чем Вашим взрослым слушателям, лишь с трудом поспевающим за быстротой Ваших мыслей? Потому как кроме всего для Вашего проекта необходимо превосходное знание детского мира, то самое, что невозможно получить ни в каких других мирах — ни в галантном, ни в академическом, то все происходящее представляется мне таким необыкновенно чудесным, что я из-за одной только склонности к чуду решился бы прокатиться на деревянной лошадке Вашего проекта, хотя и рискую получить синяк под глазом.

Если предположить, что я из-за интереса по собственной воле взялся бы за его написание, то уверен, что такой философ, как Вы, и тут бы сумел получить свою выгоду и поупражняться в морализировании там, где стоило бы воздержаться от демонстрации своих теорий. Из-за этого Вы не заметите суть моих намерений, потому как для полезного использования даже самых простых технических устройств необходимо некоторое предварительное понимание того, как их применять.

Проповедовать ученым так же легко, как обманывать честных людей; также нет никакой опасности и никакой ответственности, когда пишешь что-нибудь для ученых, поскольку большинство из них уже так заморочены, что никакой, даже самый фантастический, писатель уже не сможет заморочить их еще сильнее. Однако слепые язычники уже испытывали трепетное уважение перед детьми, а уж крещенный философ должен знать, что для того, чтобы писать для детей, требуется большее, чем Фонтенелевское остроумие и любовный стиль. Ведь ими в детях легко можно поранить величие их невинности.

Устроить хвалу из уст младенцев и грудных детей³! Стать сопричастником этого честолюбивого замысла во вкусе времени — дело необычное, чтобы начать его с кражи пестрых перьев, а не с отказа от всякого превосходства в возрасте и мудрости и с отрицания всяческого тщеславия. Философская книга для детей должна поэтому выглядеть столь же поверхностной, глуповатой и безвкусной, сколь Божественная книга, написанная для всех людей. Ну-ка проверьте-ка себя, хватит ли у Вас сердца стать автором поверхностного, глуповатого и безвкусного учения о природе? Если да, то Вы годитесь быть философом для детей. Vale et sapere AUDE⁴!

Письмо второе Продолжение

Если сравнивать взрослых людей и детей, то именно детям я приписываю большую уверенность в себе, чем нам, взрослым, потому что они более несведущи в делах науки, чем мы. И авторы катехизиса, в полном соответствии с этим детским инстинктом правды, вкладывают в уста учителя са-

³ Ср.: Иисус же говорит им: да! разве вы никогда не читали: «из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу»? (Мтф. 21, 16–17).

⁴ Пер. с лат.:

Осмелюсь быть мудрым и начинай!

Из «Послания к Лоллию» Горация в переводе Н. Гинцбурга. См.: *Вергилий. Гораций*. М., 2005. С. 711.

мые глупые вопросы, а в уста ученика самые умные ответы. Так и нам нужно приладиться к самоуверенности детей, подобно Юпитеру, превратившемуся в жалкую, промоченную дождем, полуживую кукушку с тем, чтобы заговорить с чванной Юноной о ее долге любви, и это при том, что в своих любовных похождениях он принимал весьма ловкие обличия, приличествующие его божественности⁵.

Итак, самый главный закон и метод обращения к детям состоит в нисхождении к их слабостям, в том, чтобы стать их слугой, если собираешься стать их наставником; в том, чтобы следовать за ними, если собираешься управлять ими, и изучить их язык и душу, если собираешься подвигнуть их к подражанию нам. Но этот практический принцип невозможно ни понять, ни тем более исполнить на деле, если, говоря языком обыденной жизни, не быть без ума от любви к детям, даже если непонятно — отчего? Если Вы чувствуете среди Ваших сокровенных склонностей слабость именно такой любви, то *Aude*⁶ дастся Вам без особого труда, а *Sapere*⁷ и того легче. Тогда Вы, высокочтимый господин Кант, сможете весьма просто за шесть дней стать творцом благочестивого творения для детей, полного пользы и красоты, не рассчитывая, однако, что кто-нибудь из них выразит Вам какое-либо признание за это, не говоря уже о том, что какой-либо царедворец или принц обнимет Вас в знак признательности.

Эти мои размышления призваны подвигнуть Вас к тому, чтобы не помышлять ни о каком ином плане учения о природе, кроме как о том, который в основе природы каждого ребенка, если он не язычник или не турок, и который, как и он, с нетерпением ожидает от Вас культуры истинного просвещения. У самого лучшего, Кого Вы могли бы поставить в центр этого просвещения, есть, как считают, человеческие недостатки и, пожалуй, даже большие, чем быть отвергнутым краеугольным камнем⁸ Моисеевой истории или рассказа. От того, что Он содержит в себе исток всех вещей, исторический план Его наук о природе всегда лучше, чем логический, будь этот последний каким угодно искусным. То есть природа спустя шесть дней после ее рождения — вот лучшая схема физики для ребенка, который верит в библейскую легенду о ней до тех пор, пока он не научается считать, чертить, доказывать и верить числам, фигурам и умозаключениям так же, как он раньше верил в «Отче наш».

Я удивляюсь тому, как мудрому Устроителю мира могло прийти в голову дать и нам отчет о Своей работе при выполнении великого плана творения, потому как никто из умных людей вряд ли с легкостью возьмется за дело просвещения детей и дураков о механизме Его поступков. Только любовь и ничто другое могло подвигнуть Его пойти на проявление такой слабости.

С чего мог начать великий Дух, желавший хоть как-то осветить суть Своих систем и проектов для ребенка, который ходит в школу, или для поверхностно мыслящей прислуги? И то, что Бог посчитал возможным обра-

⁵ Аллюзия на миф, в котором Зевс, желая получить любовь своей законной супруги Геры, превращается в кукушку. Стремясь подчеркнуть смирение Зевса в этой ситуации, Гаман указывает на контраст этого его обличия к другим превращениям Зевса перед своими возлюбленными, перед которыми он являлся, например, в облике прекрасного быка, орла, лебедя или золотого дождя.

⁶ Пер. с лат.: Осмелюсь!

⁷ Пер. с лат.: Быть мудрым!

⁸ См.: Камень, который отвергли строители, соделался главою угла (Псалом 118, 22). См. также: Мтф. 21, 42.

титься к нам с парой слов, объясняющих происхождение всех вещей, столь же непостижимо, сколь и убедительно для доказательства того, что это — истинное Откровение и одновременно проявление Его мудрости, в то время как кажущаяся нам невозможность этого Откровения является доказательством нашего слабоумия.

Но учитель мудрости прочитает три главы о начале мира⁹, так же широко раскрыв глаза, как один коронованный звездочет, глазевший в небо¹⁰. Вполне естественно, что он столкнется с массой эксцентрических понятий и аномалий; однако ему лучше повозиться со священными баснями Моисея, прежде чем сразу начать сомневаться в его школьных фантазиях и в несистематизированной системе его духа.

Поэтому, высокочтимый господин Кант, если Вы собираетесь писать физику для детей, не стыдитесь скакать на деревянной лошадке Моисеевой истории и использовать в учении о началах природы те понятия, которые известны каждому ребенку-христианину, то есть преподавать детям физику в следующем порядке:

I. О свете и огне¹¹.

II. О безвидном шаре в темном тумане и других воздушных явлениях¹².

III. О воде, море, реках.

IV. О суше и о том, что произрастет в земле и произрастит земля¹³.

V. О солнце, луне и звездах¹⁴.

VI. О животных¹⁵.

VII. О человеке и обществе для него¹⁶.

Вдобавок устами поэта! —

Neglectum genus et nepotes

Respicis AUTOR

Neu nimis longo fatiate ludo.

HORAT¹⁷.

⁹ Это — первые три главы книги Бытия (Бытие 1–3), в которых повествуется о семи днях сотворения мира.

¹⁰ Гаман имеет в виду короля Леона и Кастилии Альфонса X (1221–1284), который вошел в историю под именами Альфонс Мудрый и Альфонс-Астролог.

¹¹ См.: И сказал Бог: да будет свет. И стал свет (Бытие 1, 3).

¹² См.: Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою (Бытие 1, 2).

¹³ См.: И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодovitое... (Бытие 1, 9–11).

¹⁴ См.: И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды... (Бытие 1, 16–17).

¹⁵ См.: И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их (Бытие 1, 24–25).

¹⁶ См.: И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их (Бытие 1, 27).

¹⁷ Пер. с лат.:

Ты ль воззришь на нас, твой народ забытый,

Марс-прародитель?

Ты устал от игр бесконечно долгих.

Гораций.

Из Оды «К Августу-Меркурию» книги первой од Горация в переводе Н. Гинцбурга. См.: *Вергилий. Гораций*. С. 428.

Письмо третье
[конец декабря 1759]

Уважаемый друг,

это обращение — не пустое слово для меня: оно подразумевает для меня того, кто соединяет в себе живые истоки долга и радости друг для друга. Надеюсь, исходя из этого, Вы будете судить о том, что написано в приложении к моему письму. К союзу, именуемому дружбой, не всегда уместно примешивать четвертинку соли. Но я польщу себе и Вам, если скажу, что обойдусь без того, чтобы не добавить в это мое послание хотя бы щепотку соли.

Ваше молчание по поводу определенных вещей¹⁸, острота которых развязала бы язык даже немому, обижает меня, и оно столь же мало и трудно объяснимо для меня, как для Вас, по-видимому, мое усиливающееся волнение.

Я с радостью взялся бы за дело, о коем мы с Вами говорили. Для одного оно слишком трудно, а двое в нем лучше, чем трое. Мы, наверное, должны быть одного покроя с Вами, чтобы поладить в этом деле. Но нам для того, чтобы избежать всяких недоразумений и ревнивых чувств, нужно хорошо разобраться в наших недостатках и слабостях. На недостатках и слабостях зиждется любовь, а на любви — плодovitость любого дела. Посему Вам следует дать мне решительный отпор, равный напору, с коим я обрушиваюсь на Вас, и воспротивиться моим предрассудкам с той же силой, с коим я обрушиваюсь на Ваши. В противном случае Ваша любовь к истине и добродетели будет выглядеть в моих глазах столь же презрительной, как искусство обольщения дам.

Итак, для нашего проекта нужно единение. Оно не должно быть в идеях и посему не может быть найдено во взаимном поиске, но оно должно быть в силе и духе, коему подчинены даже идеи, подобно тому, как посредством единства зрительного нерва сливаются воедино изображения действительного мира, получаемые правым и левым глазом.

Посему я желал бы, чтобы Вы потребовали от меня вразумительных разъяснений по поводу материи двух моих предыдущих писем. Вам, однако, не было никакого дела до того, чтобы понять меня или не понять. Смотрите, однако, чтобы столь поверхностное отношение ко мне, не обернулось для Вас позором, а мне не дало повода распрощаться с добрым отношением к Вам, ибо такое обращение не является ни философским, ни искренним, ни дружеским.

Мое намерение в тех письмах к Вам было в том, чтобы представить позицию ребенка. Посему Вам следовало бы расспросить меня, насколько я в этом продвинулся, каковы мои знания для того, чтобы строить на этом фундаменте здание Вашей физики. Вы, однако, изначально предполагаете, что все, что я учил, — это детские шалости. Это против человеколюбия учителя, который принимает даже самого плохого ученика и, исходя из того, что тот знает и что не знает, старается приободрить его учиться еще больше, еще глубже и еще больше. Sapienti sat¹⁹. Сейчас Вы понимаете, почему иезуиты такие хорошие учителя и замечательные государственные деятели?

¹⁸ Кант не ответил на два предыдущих письма Гамана.

¹⁹ Пер. с лат.: Разумному достаточно. Плавт «Персы» 4, 7, 19.

[Приложение]

Следует ли мне сгореть со стыда, если я являюсь поводом для чьего-то возмущения? И из-за чего же весь сыр-бор? Из-за моего чувства собственного достоинства. А я говорю Вам: Вам следует почувствовать то же самое, или, по меньшей мере, подражать этому чувству, или даже превзойти его; или же взять в пример мое смирение и отказаться от желания заниматься сочинительством учебников. Или же докажите мне, что Ваше тщеславное желание лучше, чем мое чувство собственного достоинства, возмущающее Вас, и мое смирение, презираемое Вами.

По моему разумению, именно чувство собственного достоинства было в Цезаре причиной того, что он не удовлетворился своими делами до тех пор, пока не осталось ничего, что бы он не сделал. Там, где другие слишком слабы для того, чтобы создавать себе трудности, он заграждает свой путь Альпами, стремясь показать свою выдержку, свое мужество, свое величие. Честь для него превыше жизни. Благоразумный человек думает иначе и поступает совершенно иначе, чем Цезари, не говоря уже о тех, кого считают мудрецами.

Если же Вы стыдитесь или немощны для этого чувства, то не беритесь за перо и бросьте идею о создании учебника, к которой Вы хотите привлечь меня. В таком случае эта идея выше Ваших возможностей и Вашего круга знаний.

Не бойтесь чувства собственного достоинства. Оно и так будет не раз унижено при выполнении Вашего проекта. Но как Вы рассчитываете справиться с тяготами и опасностями пути без этой страсти в себе?

Это — то чувство, без коего не заладятся ни молитва, ни работа. Пустой и суетный человек не может ни того ни другого; или же его молитва и работа — чистый обман и фиглярство. Он стыдится копать и просить милостыню; или же он становится многословным лицемером²⁰ и сверхзанятым лентяем²¹. Д'Аламбер и Дидро хотели возвысить честь своей нации, создав «Энциклопедию». У них ничего не вышло. Почему у них не получилось, и почему они застряли? Оба вопроса связаны друг с другом и имеют общее решение. Ошибки их плана могут нас с Вами научить большему, чем его хорошие стороны.

Если мы собираемся впрячься в одно ярмо, мы должны иметь общий настрой мыслей. Посему вопрос в том, захотите ли Вы возвыситься до моего чувства собственного достоинства или же я должен опуститься до Вашего тщеславия? Я уже привел Вам беглое доказательство того, что нам предстоят трудности, перед которыми тщеславие спасует, не говоря уже о том, что сможет их преодолеть.

Моя уверенность в себе — для Вас невыносима; что касается меня, то я сужу о Вашем тщеславном замысле намного мягче. Следует предпочесть аксиому гипотезе; гипотезу, однако, не следует сбрасывать со счета. Но ее нужно использовать не как закладной камень, а как строительный остов.

²⁰ Ср.: И когда молишься, не будь, как лицемеры...<...> А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны. (Мтф. 6, 5–7)

²¹ По всей видимости, это — аллюзия на комедию Иоганна Элиаса Шлегеля «Трудолюбивый бездельник».

Наш учебник должен быть проникнут духом высокой морали. Но если мы сами его лишены, то как мы сможем привить его нашим произведениям и нашим читателям? Мы будем похожи на слепых, которые настойчиво предлагают другим слепым, я сказал бы: навязываются им, быть их поводырями²², в общем-то, без всякой надобности и не имея для этого никакого призвания.

Природа — это книга, послание, басня (в философском смысле), или назовите как хотите. Предположим, мы знаем все буквы в этой книге так хорошо, как только возможно; мы можем читать по слогам и выговаривать все слова этой книги; мы даже знаем язык, на котором она написана. Но достаточно ли этого, чтобы понять книгу, чтобы судить о ней, определить ее особенный характер или сделать выжимку из нее? Чтобы излагать суть природы, нужно нечто большее, чем физика. Физика есть лишь букварь. Природа есть Aequation²³ неизвестной величины, древнееврейский текст, написанный одними согласными, в котором рассудок должен поставить нужные точки.

Нам предстоит писать для всей нации, подобно французским энциклопедистам; но, прежде всего, мы будем писать для одного особенного народа²⁴, предупреждающего художников и поэтов, что

Mediocribus esse poetis

Non homines, non di, non concessere columnae²⁵;

Это — не собственная мысль Горация, а закон природы и хорошего вкуса. Но все идеи пребывают в Вашем рассудке в перевернутом виде, так же как все изображения в Ваших глазах. Собственные мысли-озарения Вы полагаете отображением истины, а истину полагаете отображенной в Ваших мыслях. С подобным перевернутым образом мыслей мы с Вами вместе не сможем продвинуться в осуществлении нашего проекта.

Вы считаете ниже собственного достоинства признать эту правду; я же так не считаю. Или, может быть, Вам кажется, что я так считаю. С W.[eymann]²⁶ Вы можете обходиться, как Вам заблагорассудится: я же как друг вправе требовать иного обращения. Ваше молчание на его счет оказы-

²² Ср.: Он же сказал в ответ: всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится; оставьте их: они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму (Мтф. 15, 13–14).

²³ Пер. с лат.: уравнение.

²⁴ Гаман имеет в виду детей.

²⁵ Пер. с лат.: ...а поэту посредственных строчек

Век не простят ни люди, ни боги, ни книжные лавки!

(пер. М. Гаспарова)

Отрывок из «Науки поэзии», 372–373 Горация. См.: *Вергилий*. Гораций. С. 776.

²⁶ Это — магистр философии Даниэль Вейман, ставший по окончании университета директором школы в Кенигсберге. Кант был приглашен выступить оппонентом при защите его диссертации, однако при ее обсуждении не высказал никаких замечаний. Об этом Гаман упоминает в своем письме к И.Г. Линднеру от 12 октября 1759 года: «Здесь у нас de mundo non optimo [пер. с лат.: с самого начала не лучшим образом] состоялась диспутация Веймана... Я лишь бегло заглянул в его диссертацию и у меня тут же пропало всякое желание читать ее; я заглянул в аудиторию, где проходила диспутация, и у меня пропало всякое желание слушать... Господин магистр Кант был приглашен оппонировать, но он отмолчался, и за это получил возможность издать свое сочинение, приглашающее к его лекционному курсу об оптимизме... Он и мне прислал один экземпляр.

вается коварнее и презрительнее, чем его глуповатая критика на Ваш счет. Вы обращаетесь со мной подобным же образом, но я не собираюсь оставить это безнаказанным.

Опровергнуть его нападки Вы считаете делом негодным. Найти новое доказательство, от коего все возражения отпадут сами собой, — вот что в Ваших глазах сделает Вам честь. На мои возражения Вы тоже ничего не ответили и, вероятно, размышляете о новом плане Вашего учебника. План, который по мне, принадлежит не мне: он находится в собственности каждого ребенка, и создателем его является Моисей, чье достоинство я в случае чего намерен защищать крепче, чем свое собственное.

Если Вы хотите стать учителем для детей, то Вы, должно быть, испытываете отцовские чувства к ним, и поэтому Вы, не краснея от стыда, сумеете сесть на деревянную лошадку Моисея. Скорей всего эта лошадка кажется Вам крылатым конем. С сожалением я вижу, что философы не лучше детей и что их также нужно вести в страну фей, дабы они там набрались уму разуму или дабы у них пробудилось внимание к реальности.

С чувством досады я объявляю Вам, что Вы не поняли моего первого письма²⁷, и, должно быть, я и в правду пишу сложнее, чем сам думаю об этом и в чем Вы хотите меня уверить. Но такова участь не только моих писем: я уверен, что и с платоновской беседой о человеческой природе²⁸ Вы также особенно далеко не продвинетесь. Вы оцеживаете комара, а верблюда поглощаете²⁹.

Разве там не написано черно по белому и не доказано наверно, что никакое незнание нам не повредит³⁰, кроме того, которое мы считаем самонадеянностью. Я бы добавил к этому, что никакое незнание не станет нашим проклятием, если только в нашей самонадеянности мы ненавидим и не отвергаем истины во имя заблуждений. «Разве Тебе не сказано?», — спросят Тебя потом, — «да, мне было сказано, но я не хотел верить». Или: «мне это показалось безвкусным». Или: «мои лживые заблуждения были мне больше по душе».

Считайте мои *Parrhesie*³¹ кощунством *Homeromastix*³² или циничным бесстыдством. Вы же — Господь, нарекающий имена вещам³³ по тому, как Вы хотите. Но это — не Ваш язык и не мой, и это — не Ваш разум и не мой:

²⁷ Первое письмо Гамана Канту от 27 июля 1757 г.

²⁸ Гаман имеет в виду «Диалоги» Платона, немецкий перевод которых был издан в 1755 г. под названием «Поучительные беседы Платона о человеческой природе». См.: *Platos Lehrreiche Gespräche von der menschlichen Natur. Übersetzt. Glogau und Leipzig, 1755.*

²⁹ Ср.: Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие! (Мтф 23, 24).

³⁰ Аллюзия Гамана на известное суждение Сократа, принесшее ему славу мудрейшего из греков: Я знаю, что я ничего не знаю.

³¹ Пер. с древнегреч.: И начал учить... Это — слово из древнегреческого списка Евангелия от Марка. Ср.: И начал учить их, что Сыну Человеческому должно много пострадать (Мрк 8, 31).

³² Пер. с древнегреч.: «бич Гомера». Это — прозвище греческого киника Зоила из Амфиополя 4 в. до Р.Х., присвоенное ему за его гиперкритические суждения о Гомере.

³³ Ср.: Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым (Бытие 2, 19–20).

здесь часы для часов. Солнце знает само свой путь по небосводу, и если вдруг оно его нарушит, то только из-за того, что его полуденная тень разделяет время над распрей земной³⁴.

Если Вы, ученый завоеватель, хотите быть, как Бахус, то хорошо, что Вы своим спутником выбираете силена. Я не люблю вина из-за вина³⁵: я люблю вино, потому как оно развязывает мне язык, и я в моем опьянении, сидя на осле, могу говорить Вам правду³⁶.

От того, что я высоко ценю и люблю Вас, я могу быть Вашим Зиолом³⁷. Почему нет: ведь даже Диоген понравился одному человеку, который имел схожие наклонности, как не различны были роли, исполняемые ими³⁸.

Кто, как Руссо, утверждает существование лучшего из миров³⁹ и отрицает существование индивидуального, атомистического и моментального провидения, тот противоречит сам себе. Если есть в мелочах случайность, то не может мир быть благим и вечным. Если же мелочи проистекают из вечных законов, то, подобно тому, как Saecul⁴⁰ в самом себе состоит из бесконечных дней, во всех мельчайших деталях заключено провидение, делающее все благим.

Полон гордости и достоинства Творец и Устроитель мира. Он обходится тем, что Ему Самому нравится Его план мироустройства, и Его не заботят наши суждения о Нем. Если невежи, хлопая в ладоши и шаркая ногами, рассыпаются в славословии о благодати мироустройства, Он, как Фокион⁴¹, чувствует стыд в кругу Своих немногочисленных друзей, окружающих Его престол с покрытыми глазами и ногами⁴² и задается вопросом, не сказал ли Он глупость, когда сказал: Да будет свет⁴³; и все оттого, что Он видит, как толпа невеж восторгается Его творением.

³⁴ Ср.: И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет; но в те дни, когда возгласит седьмой ангел, когда он вострубит, совершится тайна Божия, как Он благовествовал рабам Своим пророкам (Откр. 10, 5—7).

³⁵ Парафраза известного изречения греческого лирика из Митилены на о. Лесбосе Алкея (ок. 600 г. до н.э.): Истина в вине.

³⁶ Аллюзия на въезд Христа в Иерусалим верхом на осле.

³⁷ См. прим. 15.

³⁸ Аллюзия на эпизод из жизни Диогена Синопского, понравившегося Александру Македонскому. См.: Цицерон, Тускуланские беседы 5, 92.

³⁹ Гаман упоминает Жан-Жака Руссо в связи с его письмом к Вольтеру от 18 августа 1756 г. Это письмо было его ответом на стихотворение Вольтера, посвященное землетрясению в Лиссабоне в 1755 г., под впечатлением от которого Вольтер отверг теорию Лейбница о лучшем из миров. Письмо было опубликовано в Германии в 1758 г. без ведома Руссо.

⁴⁰ Пер. с лат.: вечность.

⁴¹ Фокион — афинский государственный деятель, противник Демосфена в его политике против Македонии. После поражения афинян в битвах при Херонее (338 г. до н.э.) и Аморгосом (322 г. до н.э.) вел переговоры с Македонией и возглавлял тимократическое правление в Афинах в период македонского владычества. Жизнеописание Фокиона есть у Плутарха.

⁴² Ср.: И всякое создание, находящееся на небе и на земле, и под землю, и на море, и все, что в них, слышал я, говорил: Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь, и слава и держава во веки веков. И четыре животных говорили: аминь. И двадцать четыре старца пали и поклонились Живущему во веки веков (Откр. 5, 13—14).

⁴³ См.: И сказал Бог: да будет свет. И стал свет (Бытие 1, 3—4).

Не одобрение века сего, видимого нам, а признание века грядущего, для нас незримого, — вот, что должно воодушевлять нас⁴⁴. Мы должны не только устыдить наших предшественников, но и стать образцом для потомков.

Ведь оттого, что наша книга должна быть написана для всех классов, давайте-ка стремиться стать такими авторами, которых наши правнуки не захотят выбросить прочь как негодных писак.

Тщеславное существо творит оттого, что хочет понравиться; Господь Бог, полный гордости и достоинства, не думает об этом. Если *это* хорошо⁴⁵, что Он сотворил, это может выглядеть, как захочет. Более того: чем меньше это нравится, тем лучше. Творение — это плод не тщеславия, а смирения и нисхождения. Шесть слов дались великому Гению с таким трудом, что ему понадобились для них шесть дней, а седьмой, чтобы почтить от дел Своих⁴⁶.

Ex noto fictum carmen sequar; vt sibi quinis
Speret idem; sudet multum, frustra que laboret
Ausus idem⁴⁷.

Ex noto fictum carmen sequar⁴⁸; Если Ты хочешь написать еще один Гейдельбергский Катехизис⁴⁹, то не связывайся с философом Господа нашего Христа, потому что он не знает Сего Человека⁵⁰. И если Ты хочешь доказать своим студентам, что мир хорош, то не кажи им на целое, ибо никто его не объемлет взглядом, и на Бога, ибо Его узреть сможет лишь слепец с неподвижным взглядом, и лишь честолюбец может думать, что сможет познать Его образ мыслей и характер Его морали. Честный софист признается: чем дольше я думаю об этом, тем меньше умнею от того, о чем думаю⁵¹.

ЗаклЮчить свое доказательство я хотел бы дилеммой с тем, чтобы приободрить Вас к большему прямодушию и открытости по отношению ко мне. Отчего Вы ко мне столь робки и сдержанны? И отчего я столь дерзок в обращении с Вами? Может, оттого, что я более дружелюбен к Вам, чем Вы

⁴⁴ См.: Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал (1 Кор. 2, 6—8).

⁴⁵ Ср.: И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо (Бытие 1, 10—11).

⁴⁶ См.: И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех Своих, которые делал (Бытие 2, 2—3).

⁴⁷ Пер. с лат.:

Я б из обыкновенных слов сложил небывалую песню,
Так, чтоб казалась легка, но чтоб всякий потел да пыхтел бы,
Взявшись такую сложить (*Гораций*. Наука поэзии, с. 240—242).

См.: *Гораций*. Указ. соч. С. 773.

⁴⁸ Пер. с лат.: Я б из обычных слов сложил небывалую песню. См. прим. 29.

⁴⁹ Катехизис, изданный в Гейдельберге, был распространен в церковной и школьной среде протестантских земель Германии. См.: *Catechismus oder Christlicher Vnderricht wie der in Kirchen vnd Schulen der Churfürstlichen Pfalz getrieben wirdt, Heydelberg 1563*.

⁵⁰ Аллюзия на католическую церковь и ее первого настоятеля апостола Петра, трижды отрекшегося от Христа. Ср.: Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека (Мтф. 26, 72—73).

⁵¹ Это — Симонид из Киоса. См.: Цицерон. *De natura deorum*. I, 22, 60.

ко мне? Или, может, оттого, что я глубже проник в суть нашего дела, чем Вы? Или, может, Вы боитесь предать самого себя и разоблачить передо мной нечистоту Ваших намерений или нехватку Ваших сил? Вспомните о ручье, показывающем свое илистое дно каждому, кто в него смотрится. Я верую, и поэтому я говорю⁵². Убедить Вы меня ни в чем не сможете, потому как я не Ваш студент, а обвинитель и оппонент. Уверовать Вы тоже не собираетесь. Ну а если Вы способны объяснить ход моих мыслей, то будьте готовы к тому, что Ваши объяснения окажутся глупее и причудливее, чем мои мысли. Я готов быть терпелив с Вами до тех пор, пока у меня есть надежда, что я смогу приобрести Вас, и я готов быть немощным, ибо Вы немощны⁵³. Ну а если Вы хотите меня понять, то Вам следует испросить меня, а не себя.

Перевод с нем. В. Х. Гильманова

К ПЕРЕПИСКЕ МЕЖДУ ГАМАНОМ И КАНТОМ: ДЕЛО ОБ УЧЕБНИКЕ ПО ФИЗИКЕ Комментарии переводчика

Летом 1759 года, пытаясь отвлечь Гамана от его религиозных «фантазий», Кант предложил ему перевести несколько статей из французской «Энциклопедии». Гаман отказался, ответив своим первым публичным сочинением «Достопримечательные мысли Сократа». Но еще до их опубликования Кант вновь предлагает Гаману «просветительский проект»: совместное написание учебника по физике для детей. Гаману поручается дидактическая часть. Мысль о таком учебнике Кант перенял от Шарля Роллина, предложившего проект «физики для детей», выполненный в физико-теологическом стиле⁵⁴, то есть в ориентации на принципы «естественной религиозности». И. А. Фабрициус перевел проект Роллина и опубликовал его в рамках своего «Предисловия» к своему переводу книги английского ученого В. Дерхама «Физикотеология, или Природное руководство на пути к Богу»⁵⁵.

Дидактическим началом «Физики для детей» должен быть, по мнению Роллина, рассказ о Творении из книги Бытия с тем, чтобы пробудить в детях интерес и восхищение природой. В то же время Роллин различал между детским и взрослым пониманием природы, полагая, что «Физика для взрослых» должна основываться на имманентных законах физического мира. Кант был против такого разделения: «Физика для детей» должна основываться на законах современной физики, а не на устаревших источниках.

⁵² Ср.: Я веровал, и поэтому я говорил... (Псалом 116, 10)

⁵³ См.: Ибо будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных (1 Кор. 9, 19–22).

⁵⁴ См.: *Rollin Ch. De la maniere d' enseigner et d' etudier les belles-lettres. Par rapport a l' esprit et au coeur. Nouvelle edition faite sur celle de Paris 1740 revue et corrigee par l' auteur. Bd. 4. Amsterdam, 1745.*

⁵⁵ См.: *Derhams W. Physiktheologie oder Natur-Leitung zu Gott (1730). Hamburg, 1832.*

В трех письмах Гаман объясняет Канту, почему он не может принять его предложение⁵⁶. Первые два письма Гаман позже использует в «Приложении из двух любовных писем к учителю мировой мудрости, собиравшемуся написать «Физику для детей»»⁵⁷. Это «Приложение» входит в состав «Пяти пастырских посланий», включенных Йозефом Надлером в подготовленное им критическое издание собрания сочинений Гамана⁵⁸.

Историю Творения Гаман толкует как «образный рассказ»⁵⁹, в котором Бог нисходит к человеку, используя повседневный образный язык последнего. То есть библейское Откровение имеет конкретную соотнесенность с соответствующим местом и временем Моисея. Но это не означает, что оно устарело для «повзрослевшей эпохи» Просвещения. Важно то, что в книге Бытия раскрыто то измерение природы, которое грозит потеряться в современной науке, а именно: природа есть и «обозначает» нечто большее, чем то, что могут описать современные естественнонаучные законы. И это «Большее» имеет существенное, если не основополагающее, значение для более ответственного обращения с природой и естественнонаучным знанием. То, что Гаман имеет в виду, он пытается объяснить с помощью метафоры «книга природы»: «Природа — это «книга», «послание», «басня» (в философском понимании), или назовите, как хотите. Предположим, мы знаем все буквы в этой «книге» так хорошо, как только возможно; мы можем читать по слогам и произносить все слова этой «книги»; мы даже знаем язык, на котором она написана. Но достаточно ли этого, чтобы понять «книгу», чтобы судить о ней, определить ее особый характер или сделать выжимку из нее? Чтобы излагать суть природы, нужно нечто большее, чем физика. Физика есть лишь букварь. Природа суть Aequation = уравнение неизвестной величины, древнееврейский текст (слово), написанный одними согласными, в котором рассудок должен поставить нужные точки»⁶⁰. Понимание «духа» книги предполагает большее, чем знание «букв». То же касается понимания природы. То, что природа хочет сказать нам как Творение Божие, ученым рассудком не воспринимается. Тот, кто не верит «Моисею и пророкам», не сможет выйти за пределы «букв» природы и не откроет тайны скрытого в ней «духа».

Оставаясь верным своей пророческой риторике, Гаман настаивает, что «образный» язык природы становится внятным для слуха только через по-

⁵⁶ См.: Kant's Briefwechsel. B. I — III // Kant's gesammelte Schriften. Hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Zweite Abteilung: Briefwechsel. B. X — XII. Berlin und Leipzig, 1922. B. I. S. 20—23, 26—31. См. также: Hamann J. G. Briefwechsel. Bd. I — III, hrsg. von W. Ziesemer und A. Henkel. Wiesbaden, 1955—1957; Bd. IV — VII, hrsg. von A. Henkel. Wiesbaden, 1959, Frankfurt am Main, 1965—1979 B. I. S. 444—453 (в дальнейшем в сокращении: ZH). В сокращении даются также ссылки на сочинения Гамана: Hamann J. G. Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. 6 Bde. Wien, 1949—1957 (в дальнейшем в сокращении: N).

⁵⁷ См.: Zugabe zweener Liebesbriefe an einen Lehrer der Weltweisheit, der eine Physik für Kinder schreiben wollte. N II 369—374.

⁵⁸ См.: Hamann J. G. Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. 6 Bde. Wien, 1949—1957 (в дальнейшем в сокращении: N).

⁵⁹ N I 11:34.

⁶⁰ См.: Kant's Briefwechsel. B. I — III // Kant's gesammelte Schriften. Hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Zweite Abteilung: Briefwechsel. B. X — XII. Berlin und Leipzig, 1922. B. I. S. 29. Или же: ZH I 450:12). Сравните также с «Библейскими размышлениями» Гамана: «Нам не достает какого-нибудь Дэнхэма (Джон Дэнхам — поэт, автор известного и любимого в XVIII веке стихотворения «Coopers Hill». — Прим. пер.), который смог бы показать не бога голого разума, а Бога Святого Писания в царстве природы, который покажет нам, что все Его сокровища — это не что иное, как аллегория, мифологическая картина небесных систем, так же, как все события мировой истории суть тени таинственных действий и образы открывшихся чудес (N I 304:16-).

средство образного языка Писания, и нам в нашем высокомерии нельзя считать, подобно Канту, что мы выросли из «коротких штанишек» мифологического языка. «Поэтому не стыдитесь, высокочтимый господин Кант, скакать на деревянной лошадке Моисеевой истории». «Таким образом, исторический план одной науки всегда лучше, чем логический... Природа спустя 6 дней после своего рождения — вот лучшая схема [физики] для ребенка, все еще верящего в эти легенды своей воспитательницы до тех пор, пока он не научится считать, писать и доказывать»⁶¹.

То, к чему приводит утрата способности видеть, чувствовать и понимать «образность» природы в понимании Гамана, иллюстрируется в его самом известном сочинении «Aesthetica in nuce»⁶². В нем Гаман со всей силой своего полемического дара обрушивается на абстрактные системы философии и физики, которые «гасят» свет «образности» природы и тем самым «гасят» свет ее оконечной, но трансцендентно ориентированной дейктивности, то есть ее оконечности, указывающей в своей «образности» на бесконечное нетварное бытие. Современная физика, по мнению Гамана, утратила способность видеть в природе “*vestigia aut signacula*”⁶³, вследствие чего природа была подвергнута разбожествленной нейтрализации, приговорена к секуляризованной имманентности и брошена в объятия человеческого произвола: «Всякая тварь поочередно будет то жертвой вашего жертвоприношения, то вашим идолом. Вопреки своей воле, но все же в надежде, покорившись, стонет она под бременем служения вам и мучается от вашего тщеславия; из-за все сил она стремится освободиться от вашей тирании и тоскует в ваших сладострастных объятиях по той свободе, с которой животные почитали Адама, когда Господь привел их к человеку, чтобы видеть, как он наречет их, и чтобы как человек наречет их, так и было имя их»⁶⁴.

Если природа не будет восприниматься как тварное бытие, то человек придет к тому, что или себя самого объявит «богом», а природу произвольным и безмолвным соединением атомов, пригодным для манипуляции (эпикуризм), или, наоборот, обожествит природу и подчинится ей как принудительному процессу (стоицизм): «Вы делаете природу слепой, имея при этом, однако, заведомую цель назначить ее своим повадырем! Или же более того: иглами эпикурейства вы сами себе выкальваете глаза с тем, чтобы вас могли почитать за истинных пророков, высасывающих из своих пяти пальцев вдохновение и прорицания. Вы хотите властвовать над природой, но при этом сами связываете себе руки и ноги оковами стоицизма с тем, чтобы потом в своей поэтической мешанине еще жалостливей завывать фальцетом об алмазных веригах холодной судьбы»⁶⁵. В обоих случаях, согласно Гаману, утрачено сознание того, что природа — это Творение, тварное бытие, созданное Божественной Личностью для тварных личностей. Природа стремится освободиться от нашей тирании и тоскует по свободе, которую она испытывала до грехопадения, когда Адам еще понимал «образный» язык Творения. Адам знал, что всякая тварь в своей подлинной сущности укоренена в творческом Глаголе Бога, что она такова, каждая по-своему, каковой она является в «языке» Бога, в «имени», данном Им. Если человек органично входит в знаковое пространство «общения» между Богом и тварным миром, то

⁶¹ Kant's Briefwechsel. Op. cit. S. 23. Или же: ZH I 447:22.

⁶² См. перевод с немецкого: Гильманов В.Х. Герменевтика «образа» И.Г. Гамана и Просвещение. Калининград, 2003. С. 477 — 545.

⁶³ Пер. с лат.: следы, или знаки (Творца).

⁶⁴ N II 206:25.

⁶⁵ N II 206:4.

он как «образ и подобие» тоже может участвовать вместе с Богом в творчестве божественного «наречения», «называния», в божественном «имя-творчестве».

Человек способен к со-творчеству в этом «знаковом пространстве», внутри которого он сам и другие творения могут испытывать совершенную свободу и благодатное присутствие Бога в тварном мире: «Эта аналогия человека Творцу придает всем творениям их смысл и облик, отчего зависит верность и вера во всей природе. Чем живее эта идея «образа-подобия» невидимого Бога в нашей душе, тем больше наша способность почувствовать Его благодать и человеколюбие, увидеть их глазами и попробовать на вкус, потрогать их руками и полюбоваться ими⁶⁶. Каждое впечатление-действие природы в человеке — не только воспоминание, но и залог главной истины о том, Кто есть Господь. Каждое обратное действие человека в тварном мире означает запечатленное послание о нашем участии в Божественной природе⁶⁷ и то, что мы являемся родом Божиим⁶⁸.

Абстрагирующую, математическую герменевтику природы, «прочтение» ее без понимания «образного языка» тварного бытия, Гаман сравнивает с попыткой прочтения текстов Гомера, в которых, однако, опущены «α» и «ω» = «Альфа» и «Омега» древнегреческого языка. Точно так же при абстрагирующем отношении исчезает «Альфа и Омега» природы — Христос, Свет мира: «Все прекраснейшие краски мира потускнеют, как только вы задушите тот Свет, который суть первородство Творения»⁶⁹.

В письмах Гамана, которые, как и его первое письмо к Канту от 29 июля 1759 г., остались без ответа, чувствуется, с одной стороны, обида, вызванная прежде всего молчанием Канта и отсутствием с его стороны какой-либо реакции на попытки Гамана обострить полемику об основных принципах «просветительской физики». С другой стороны, эти письма — свидетельство экзистенциальной уверенности Гамана в своей правоте, основанной на христоцентрическом опыте истины. Поэтому Гаман берет на себя апостольскую роль, что неоднократно подчеркивается введением в его «центыны» прямых или косвенных цитат из посланий апостола Павла, и стремится просветить Канта с позиций своей христианской веры. Без всякого сомнения, эти письма Гамана к Канту демонстрируют эпистолярное мастерство Гамана, для которого характерны все примечательные признаки его авторства — криптичность, эсхатологическая ирония, майевтика и т.д.

В. Х. Гильманов

О переводчике

Гильманов Владимир Хамитович — д-р филол. наук, проф. кафедры зарубежной филологии факультета филологии и журналистики Российского государственного университета имени Иммануила Канта, gilmanov.wladimir@rambler.ru.

⁶⁶ Ср.: Псалом 33, 9: Вкусите, и увидите, как благ Господь!

⁶⁷ Ср.: 2-е Петра 1, 4: ...через них сделались причастниками Божеского естества.

⁶⁸ N II 206:32.

⁶⁹ N II 206:22.